

Москалев Георгий Леонидович

**Геноцид (ст. 357 УК РФ): проблемы
уголовно-правовой регламентации и квалификации**

12.00.08 - уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Санкт-Петербург – 2015

Работа выполнена в Федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Сибирский федеральный университет»

Научный руководитель: **Тарбагаев Алексей Николаевич**
доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации

Официальные оппоненты: **Коробеев Александр Иванович**
доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии ФГАОУ ВПО «Дальневосточный федеральный университет»

Оленников Сергей Михайлович
кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»

Ведущая организация: **Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Уральский государственный юридический университет»**

Защита состоится 15 апреля 2016 года в 16 часов на заседании диссертационного совета Д 212.232.63, созданного на базе **ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»**, по адресу: 199026, Санкт-Петербург, 22-я линия В.О., дом 7, зал заседаний ученого совета (аудитория №64).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке **ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»** и на сайте:

Автореферат разослан « ____ » _____ 2015 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

С. А. Белов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Актуальность исследования уголовной ответственности за геноцид в Российской Федерации обусловлена, в первую очередь, тем, что, посягая на безопасность национальных, этнических, расовых, религиозных групп и, таким образом, на безопасность всего человечества, геноцид представляет наибольшую общественную опасность среди всех запрещенных уголовным законом деяний.

Мировая история содержит множество фактов уничтожения человеческих групп, выделяемых по национальным, этническим, расовым или религиозным признакам. Сведения о таких событиях сохранились до настоящего времени. Многовековое развитие человечества, к сожалению, не привело к искоренению практики уничтожения этно-религиозных групп. Напротив, в XX веке количество таких актов увеличилось, а их масштабы стали, поистине, ужасающими. Массовые убийства и депортация армян на территории Османской империи и истребление отдельных общностей людей в нацистской Германии обусловили новый взгляд международного сообщества на безопасность человечества как на самостоятельный объект уголовно-правовой охраны.

Чтобы обеспечить такую охрану в 1948 году была принята Конвенция Организации Объединенных Наций «О предупреждении преступления геноцида и наказании за него». В этом международном правовом акте впервые в истории была нормативно закреплена ответственность за совершение геноцида. Однако, даже после принятия этого акта, действия, направленные на уничтожение различных человеческих групп, продолжились совершаться, а их жертвами стали миллионы людей. В качестве примеров можно привести деяния, имевшие место в Камбодже (1975-1979 гг.), Югославии (1991-1995 гг.), Руанде (1994 г.).

На основании положений названной Конвенции в действующем Уголовном Кодексе Российской Федерации появилась статья 357, предусматривающая ответственность за геноцид. Однако закрепление данного преступления в российском законодательстве не остановило лиц, уничтоживших более полутора тысяч человек¹, большинство из которых были гражданами России, в ходе грузинской агрессии на территории Республики Южная Осетия в августе 2008 года.² Публичные призывы к уничтожению этнических русских имели место на

¹ Стремоухов А.В., Иванов И.А. Проблемы предупреждения геноцида и ответственности за него в контексте агрессии Грузии против Южной Осетии в 2008 году // Ленинградский юридический журнал. – 2010. – № 4. – С. 133.

² Следственный комитет Российской Федерации завершает сбор и анализ доказательств, свидетельствующих о совершении руководством Грузии геноцида и массовых убийств граждан Российской Федерации в августе 2008

Украине в 2013-2014 году,¹ а к 29.09.2014 в распоряжении Следственного комитета РФ появились сведения о совершении в отношении русскоязычных граждан деяний, содержащих признаки преступления, предусмотренного ст. 357 УК РФ.² Изложенные примеры показывают, что угроза совершения геноцида существует и в новом тысячелетии. Это преступление может коснуться любой страны, в том числе и России, будучи направленным против русскоязычного населения в сопредельных государствах. Данные обстоятельства обуславливают необходимость криминализации геноцида в действующем уголовном законе России и указывают на актуальность исследования состава преступления, закрепленного в ст. 357 УК РФ.

Давая определение геноцида, отечественный законодатель старался сформулировать его в максимальном соответствии с международно-правовым понятием этого преступления, которое на момент принятия УК РФ не претерпевало изменений с 1948 года. При этом деяния, совершенные уже после принятия Конвенции «О предупреждении преступления геноцида и наказании за него», и направленные на уничтожение той или иной человеческой группы, зачастую, подпадая под большинство признаков геноцида, не содержали одного или нескольких из них. Это обстоятельство поставило вопрос о совершенствовании нормы о геноциде, закрепленной в УК РФ. Особую актуальность эта проблема приобрела в связи с неоднозначной практикой применения нормы о геноциде международными судебными органами, что, в свою очередь, может свидетельствовать о возможности появления потенциальных проблем у российского правоприменителя при квалификации деяний по ст. 357 УК РФ. Существующая необходимость модернизации ст. 357 УК РФ и поиска путей ее осуществления, в том числе в зарубежном уголовном законодательстве также подчеркивают актуальность исследования.

Степень разработанности темы исследования. Теоретической основой появления международно-правовой нормы о геноциде стали результаты исследований Р. Лемкина (Raphael Lemkin). Свой вклад в разработку этой нормы внесли также В. Пелла (Vespasian Pella) и Д. де Вабр (Donnedieu de Vabres). Международно-правовая норма об ответственности за геноцид стала предметом

года // Официальный сайт Следственного комитета РФ. URL: <http://sledcom.ru/news/item/519300> (дата обращения 12.09.2015).

¹ Белая книга нарушений прав человека и принципа верховенства права на Украине (ноябрь 2013 – март 2014) // MID.RU: официальный сайт Министерства иностранных дел РФ. URL: [http://www.mid.ru/bdomp/ns-dgpch.nsf/03c344d01162d351442579510044415b/38fa8597760acc2144257ccf002beeb8/\\$FILE/ATTAQMRR.pdf/Belaya%20kniga.pdf](http://www.mid.ru/bdomp/ns-dgpch.nsf/03c344d01162d351442579510044415b/38fa8597760acc2144257ccf002beeb8/$FILE/ATTAQMRR.pdf/Belaya%20kniga.pdf) (дата обращения: 06.05.2014).

² Следственный комитет возбудил уголовное дело о геноциде русскоязычного населения на юго-востоке Украины // Официальный сайт Следственного комитета РФ. 2014. URL: <http://www.sledcom.ru/actual/417477/> (дата обращения 12.11.2014).

исследования, как советских ученых, в частности М.Н. Андрюхина и А.Н. Трайнина, так и представителей зарубежной науки, среди которых следует особо отметить вклад В. Шабаса (William Shabas).

Норма об ответственности за геноцид в российском национальном праве нашла закрепление в ст. 357 УК РФ. За 18 лет ее существования она, наряду с иными нормами, выступала предметом диссертационных исследований В.М. Вартапяна, Е.Д. Панкратовой, В.В. Аванесяна, А.С. Мартиросян. Достойный вклад в изучение ст. 357 УК РФ сделали Л.В. Иногамова-Хегай, А.Г. Кибальник, С.М. Кочои, Е.Н. Трикоз. Отдельные признаки состава геноцида по УК РФ, становились предметом исследований А.Х. Абашидзе, М.А. Арутюняна, Д.Э. Видус, Е.И. Грубовой, Н.В. Мошенской, Н.Н. Маршаковой, В.Е. Саурди и других.

Однако столь короткий срок существования нормы об ответственности за геноцид в УК РФ и, соответственно, небольшой период времени проведения исследований в этой сфере обусловили современную потребность ее изучения. Несмотря на проведенные исследования, на сегодняшний день в теории отечественного уголовного права существуют различные позиции относительно большинства вопросов, касающихся как отдельных признаков геноцида, так и преступления в целом.

Цель данной работы состоит во всестороннем исследовании геноцида как преступления по российскому уголовному праву, проблем его уголовно-правовой регламентации и квалификации.

Этой целью обусловлена постановка следующих **задач**:

1. Выявление социальных оснований криминализации геноцида в российском уголовном праве;
2. исследование вопроса возникновения и генезиса понятия геноцид, изменения его содержания в нормативных и доктринальных источниках;
3. рассмотрение содержательных особенностей нормы об уголовной ответственности за геноцид в российском праве путем проведения юридического анализа состава преступления, предусмотренного ст. 357 УК РФ;
4. изучение вопросов соотношения состава преступления, предусмотренного ст. 357 УК РФ, с составами других преступлений, а также его отграничения от смежных составов;
5. теоретическое обоснование необходимости модернизации уголовной ответственности за геноцид, а также определение направлений ее реализации.

Объектом исследования выступают общественные отношения, связанные с уголовно-правовой регламентацией геноцида в российском уголовном праве и квалификацией деяния по ст. 357 УК РФ.

Предмет исследования охватывает норму об уголовной ответственности за геноцид в российском законодательстве (ст. 357 УК РФ); иные нормы российского уголовного права, предусматривающие ответственность за связанные с геноцидом преступления; нормы, закрепляющие преступность этого деяния, в актах международного и иностранного уголовного права; соответствующую правоприменительную практику органов международной уголовной юстиции; достижения науки, нашедшие отражение в монографиях, статьях, диссертационных исследованиях, учебной литературе и комментариях законодательства.

Нормативную основу диссертационного исследования составляют Конституция РФ 1993 г., международные нормативные правовые акты (например, Конвенция ООН «О предупреждении преступления геноцида и наказании за него», Конвенция «О защите прав человека и основных свобод», Римский статут Международного уголовного суда и другие), кодифицированные нормативно-правовые акты России (Уголовный кодекс РФ, Уголовно-процессуальный кодекс РФ и Семейный кодекс РФ) и иные Федеральные законы РФ («О международных договорах Российской Федерации», «О противодействии экстремистской деятельности» и другие), Закон РСФСР («О реабилитации репрессированных народов»), а также подзаконные нормативно-правовые акты (например, Приказ Минобрнауки РФ «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования», Приказ Генеральной прокуратуры РФ «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии экстремистской деятельности» и другие).

Помимо этого, в целях проведения компаративистского анализа, в нормативную базу исследования были включены кодифицированные уголовно-правовые акты Болгарии, Грузии, Испании, Латвийской и Литовской республик, Республик Польша и Беларусь, Сан-Марино, Украины, Франции, Швейцарии, Эстонии, Финляндии и Эфиопии и других стран.

Теоретическую основу диссертационного исследования составили положения, содержащиеся, в первую очередь, в научных трудах по уголовному праву таких авторов, как А.Х. Абашидзе, В.В. Аванесян, М.А. Арутюнян, Ю.Г. Барсегов, А.Г. Безверхов, А.И. Бойцов, Г.Н. Борзенков, А.В. Бриллиантов, В.А. Батырь, В.М. Вартамян, Д.Э. Видус, Л.Д. Гаухман, А.С. Горелик, П.С. Дагель, Т.В. Долголенко, Л.В. Иногамова-Хегай, А.Г. Кибальник, И.Я. Козаченко, А.В. Корнеева, А.И. Коробеев, Г.А. Королев, С.М. Кочои, В.Н. Кудрявцев, Н.Ф. Кузнецова, В.М. Лебедев, В.Б. Малинин, А.С. Мартиросян, И.С. Марусин, А.В. Наумов, С.М. Оленников, В.Г. Павлов, А.Н. Попов, Е.Д. Панкратова, А.И. Рарог,

В.С. Савельева, В.Е. Саурди, В.Е. Семернева, А.Ю. Скуратова, И.Г. Соломоненко, В.Я. Таций, А.Н. Трайнин, Е.Н. Трикоз и других.

В связи с тем, что ст. 357 УК РФ генетически связана с нормой о геноциде в международном праве, в теоретическую базу исследования входят также выводы работ таких зарубежных авторов, как D.M. Amann, С. Н. Anderton, С. Aptel, Y. Bauer, N.H.B. Jorgensen, M. Krain, R. Lemkin, A. Obote-Odora, O. Olaoluwa, V. Pella, N. Rafter, A.R. Reid-Cunningham, N. Rost, R.M. Scott, W.A. Schabas, G. Stanton, O. Tetsushi, U.U. Ungor, D. de Vabres, R. Wistrich и других, изучавших международно-правовую норму о геноциде и ее применение.

Тема ответственности за геноцид, затрагивая предмет многих гуманитарных наук, в особенности философии, социологии, политологии и истории, потребовала в ходе исследования учета их достижений. Поэтому теоретическую основу диссертационного исследования составляют также положения научных трудов М.Н. Абдуллаева, К. Вартесяна, Т.Ф. Ефремовой, А.В. Иванова, Я.А. Климчука, Л.Д. Олиговой, А. Паляна, Б.Б. Прохорова, М.О. Селивановой, С.Г. Скобелева, Е.В. Степаненко и других.

Эмпирическую базу исследования составляют Постановления Пленума Верховного Суда РФ (в частности, «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» от 28.06. 2011 № 11, «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» от 10.10. 2003 № 5, «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» от 27.01.1999 № 1 и другие), Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 20.02.2007 № 4-007-15, акты Международного Суда ООН (Консультативное заключение «Оговорки к Конвенции о предупреждении геноцида и наказании за него» от 28.05.1951, Решение по делу Босния и Герцеговина против Югославии» от 11.07.1996), Постановления Европейского Суда по правам человека (например, Йоргич против Германии от 12.07.2007 № 74613/01, *Lehideux and Isorni v. France*. Case No. 55/1997/839/1045. 23.09.1998). В связи с отсутствием российской практики применения нормы УК РФ о геноциде, в эмпирическую базу исследования включены решения Международных уголовных трибуналов по Руанде (по делу *Prosecutor v. Jean-Paul Akayesu*. Case No. ICTR-98-4-T. 02.09.1998; *Prosecutor v. Clement Kayishema and Obed Ruzindana*. Case No. ICTR-95-1-T. 21.05.1999 и другие) и бывшей Югославии (по делу *Prosecutor v. Goran Jelisic*. Case No. IT-95-10-T. 14.12.1999; *Prosecutor v. Radislav Krstić*. Case No. IT-98-33-A. 19.04.2004), содержащие толкование признаков международно-правовой нормы об ответственности за это преступление, так как

признаки этих норм во многом схожи и проблемы, которые могут возникнуть при квалификации деяния по ст. 357 УК РФ, могут быть тождественны.

Также в рамках диссертационного исследования анализировались статистические данные (например, статистика миграционного прироста населения в Российской Федерации в 2011-2012 годах), официальные материалы (в частности, Белая книга нарушений прав человека и принципа верховенства права на Украине (ноябрь 2013 – март 2014)), сообщения средств массовой информации. В эмпирическую базу исследования входят также результаты проведенного автором анкетирования двухсот 16-летних учеников 10-х классов четырех общеобразовательных школ г.Красноярска, направленного на выявление у них фактической возможности иметь устойчивую основу личности, характеризующую их как представителей расовой, этнической или религиозной группы.

Методология и методика диссертационного исследования включает общенаучные методы познания. В качестве таковых выступают законы и категории диалектической теории познания; требования системного и исторического подхода к изучению объекта исследования; методы формальной логики (анализ, синтез, классификация, сравнение, индукция, дедукция); системно-структурный метод; абстрагирование.

Особое место в методологической основе диссертационного исследования занимают частнопроводимые методы познания: формально-юридический, сравнительно-правовой (юридическая компаративистика) методы, юридическая герменевтика. Также использовались специальные методы исследования неюридических наук: социологический (анкетирование) и математический методы.

Научная новизна исследования выражается в том, что оно представляет собой первое в уголовно-правовой науке диссертационное исследование, полностью посвященное проблемам уголовно-правовой регламентации и квалификации геноцида в УК РФ. Международно-правовые акты в работе рассматриваются в связи с анализом ст.357 УК РФ. В работе обосновывается необходимость существования нормы об уголовной ответственности за геноцид в УК РФ. Осуществляется развитие положений ранее проведенных исследований, о содержании признаков состава преступления ст. 357 УК РФ, а также об особенностях его соотношения с составами других преступлений, предусмотренных действующим УК РФ. В диссертационном исследовании предлагаются новые решения следующих проблем: определено содержание понятия «дети» в диспозиции ст. 357 УК РФ; доказана обоснованность установления законодателем минимального возраста для субъекта геноцида в 16 лет; установлено соотношение причинения тяжкого вреда здоровью и

насильственного воспрепятствования деторождению как признаков объективной стороны геноцида; обоснована необходимость криминализации публичных призывов к совершению геноцида, и другие. В связи с тем, что большинство проблем, связанных с объектом исследования, имеет дискуссионный характер, новизну представляет также новая дополнительная аргументация их решения, продемонстрированная в работе. Сформулированные теоретические рекомендации для законотворческой и потенциальной следственной и судебной практики также представляют научную новизну данной работы. Внесено предложение по изменению диспозиции ст. 357 УК. При проведении исследования уголовно-правовой регламентации и квалификации геноцида по УК РФ, автором были учтены положения всех наиболее актуальных доступных научных трудов.

Научная новизна выражается также в **положениях, выносимых на защиту:**

1. Представлена новая дополнительная аргументация по вопросу определения видового и непосредственного объектов геноцида. Видовым объектом преступления, предусмотренного ст. 357 УК РФ, выступает безопасность человечества. Угроза данному объекту создается ввиду потенциального сокращения культурного или генетического разнообразия человеческого рода в результате совершения геноцида. Геноцид посягает на безопасность человечества опосредованно, через безопасность национальных, этнических, расовых и религиозных групп. Поэтому безопасность данных групп, под которой понимаются общественные отношения, обеспечивающие объективное отсутствие угроз социального характера существованию национальной, расовой, этнической или религиозной группы, следует признать основным непосредственным объектом геноцида. Основным непосредственным объектом геноцида, совершаемого путем принудительной передачи детей, выступает безопасность только национальной, этнической или религиозной группы.

2. К дополнительным факультативным объектам геноцида относятся общественные отношения, охраняющие жизнь, здоровье человека, его личную свободу, отношения собственности. Обоснован вывод о том, что половая свобода и половая неприкосновенность дополнительными объектами геноцида не являются.

3. Содержание понятия «дети» в ст. 357 УК РФ составляют лица, не достигшие 16 лет и являющиеся представителями национальной, этнической или религиозной группы. В современной России в 16 лет у человека уже, как правило, сформирована устойчивая основа личности, характеризующая его как представителя национальной, этнической или религиозной группы, и его передача

в другую человеческую группу не сможет создать угрозу безопасности группы, к которой он принадлежит.

4. Обоснован вывод о том, что положение ст. 357 УК РФ о возможности совершения геноцида путем причинения только тяжкого вреда здоровью, а не легкого или средней тяжести вреда здоровью соответствует признаку «причинение серьезных телесных повреждений или умственного расстройства» в Конвенции ООН «О предупреждении преступления геноцида и наказании за него» 1948 года. Причинение членам группы легкого или средней тяжести вреда здоровью не является серьезным в смысле Конвенции 1948 года, так как не может повлиять на способность самореализации лица как представителя национальной, этнической, расовой или религиозной группы и, как следствие, создать угрозу ее существованию.

5. Насильственное воспрепятствование деторождению выражается в насильственных действиях в отношении беременной женщины, делающих невозможным рождение ребенка, а также в насильственных действиях, осуществляемых до момента зачатия и объективно ему препятствующих. Сформулировано и обоснованно предложение стерилизацию, кастрацию и прерывание беременности, совершенные с целью уничтожения группы, квалифицировать по признаку воспрепятствования деторождению, а не причинения тяжкого вреда здоровью. Обоснован вывод о том, что запрещение браков между представителями одной и той же демографической группы не может рассматриваться в качестве воспрепятствования деторождению.

6. Прямое публичное подстрекательство к совершению геноцида, ответственность за которое предусмотрена Конвенцией ООН «О предупреждении преступления геноцида и наказании за него» 1948 года, не является подстрекательством, предусмотренным ч. 4 ст. 33 УК РФ, и с использованием терминологии действующего УК РФ может быть обозначено как публичные призывы к совершению геноцида. Россия, став правопреемником СССР, тем самым взяла на себя обязательства по криминализации данного деяния. Однако до сих пор оно не предусмотрено УК РФ. Поэтому необходимо включить в УК РФ норму об ответственности за публичные призывы к совершению геноцида.

7. В диспозиции ст. 357 УК РФ указано, что при создании жизненных условий виновный рассчитывает на физическое уничтожение членов национальной, этнической, расовой или религиозной группы. Однако в пункте «с» ст. II Конвенции 1948 года говорится о создании жизненных условий, рассчитанных на полное или частичное физическое уничтожение группы (*deliberately inflicting on the group conditions of life calculated to bring about its physical destruction in whole or in part*), а не ее членов. В данной части диспозиция

ст. 357 УК не полностью соответствует конвенционным положениям, что, безусловно, необходимо устранить на законодательном уровне, исключив термин «членов» из формулировки признака «создания жизненных условий, рассчитанных на физическое уничтожение членов этой группы».

8. Создание жизненных условий, рассчитанных на физическое уничтожение национальной, этнической, расовой, или религиозной группы совершается с прямым умыслом и целью физического истребления этих групп. Действия, создающие угрозу фактическому существованию групп, без причинения смерти их членам, не подпадают под этот признак, хотя и создают угрозу объекту геноцида. В целях совершенствования уголовно-правовой охраны объекта геноцида мы предлагаем в дополнение к предложению, предусмотренному п. 8 Основных положений, выносимых на защиту исключить термин «физическое» из формулировки признака в ст. 357 УК РФ. Это приведет к обоснованному расширению круга деяний, охватываемых нормой о геноциде в УК РФ, по сравнению с Конвенцией 1948 года.

9. Геноцид нельзя однозначно отнести к группе преступлений экстремистской направленности, поскольку состав преступления, предусмотренного ст. 357 УК РФ, не содержит такого обязательного признака как экстремистский мотив. При этом нельзя отрицать возможность совершения отдельного преступления, предусмотренного ст. 357 УК РФ, по мотиву политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды, а равно ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы. Поэтому к преступлениям экстремистской направленности можно отнести лишь конкретные акты совершения геноцида, мотивация которых будет учитываться в качестве отягчающего наказание обстоятельства по п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ.

10. Направления совершенствования нормы об уголовной ответственности за геноцид, продемонстрированные в законодательстве зарубежных стран, в большинстве своем по результату исследования оцениваются негативно. В частности, включение в объективную сторону геноцида в УК Испании действий сексуального насилия необоснованно, так как они фактически не создают угрозы объекту геноцида. В диссертации приводится новое обоснование необходимости криминализации культурного геноцида. Предлагается также расширить содержание объекта геноцида, обеспечив охрану не только национальных, этнических, расовых или религиозных групп, но и любых других групп, обладающих отличительными культурными признаками (например, сословные, кастовые, профессиональные и политические группы).

Теоретическая значимость диссертационного исследования определяется тем, что аргументация и выводы, полученные в результате работы, дополняют и развивают систему знаний о преступлениях против мира и безопасности человечества, учение о преступлении и теорию квалификации преступлений. Это способствует развитию уголовно-правовой науки в целом и может быть использовано в качестве основы для дальнейших научных исследований проблем, связанных с ответственностью за геноцид.

Практическая значимость исследования выражается в возможности использования аргументации, выводов и результатов диссертационного исследования:

- в законотворческой деятельности для совершенствования нормы о геноциде в УК РФ, а также для подготовки и внесения предложений со стороны Российской Федерации по совершенствованию норм международного права, регламентирующих ответственность за геноцид;
- в деятельности органов, осуществляющих уголовное преследование, и судов по применению нормы об ответственности за геноцид;
- в рамках дальнейших исследований социальных проблем, связанных с преступлением геноцида и нормой, предусматривающей ответственность за его совершение;
- в образовательном процессе при обучении студентов и магистрантов дисциплинам уголовно-правового блока: «Уголовное право», «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка», «Международное уголовное право», «Общая теория квалификации преступлений» и других.

Апробация результатов исследования. Диссертационное исследование выполнено на кафедре уголовного права Сибирского Федерального Университета.

Выводы, полученные в ходе исследования, освещались в докладах и обсуждались в рамках 9 научных мероприятий. Среди них 6 международных конференций: «Енисейские политико-правовые чтения» (Красноярск, 8-10 октября 2014 года), «Енисейские правовые чтения» (Красноярск, 17-19 апреля 2014 года и 23-25 апреля 2015 года), «Задачи современной юриспруденции» (Красноярск, 26-27 сентября 2013), «Проблемы и перспективы реформирования правовой системы современной России» (Красноярск, 27-28 сентября 2012), «Реформирование правовой системы России и защита прав человека: национальный и международный контекст» (Красноярск, 5-6 апреля 2012); 2 всероссийские конференции «Проблемы современной юридической наук и практики» (Красноярск, 7-9 апреля 2011) и «Опыт организации мероприятий по противодействию идеологии терроризма. Научные и практические подходы к оценке их эффективности» (27-28 мая 2015 года); 1 круглый стол

«Противодействие этнорелигиозному экстремизму и развитие взаимопонимания в молодежной среде» (Красноярск, 30 июня 2013).

Основные результаты исследования отражены в 13 научных публикациях. Среди них 7 опубликованы в журналах, рекомендуемых Высшей аттестационной комиссией России для опубликования основных научных результатов диссертации на соискание ученой степени кандидата наук, из которых 3 в издании (Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права), реферируемом в международной базе данных SCOPUS.

Положения диссертации внедрены в образовательный процесс и используются в ФГАОУ ВПО «Сибирский Федеральный Университет» при обучении студентов по направлению «Юриспруденция», а также в процессе обучения магистрантов по программе «Правосудие по уголовным делам».

Структура работы построена в соответствии с поставленными целями и задачами и обусловлена ими. Данная работа состоит из введения, трех глав, включающих 8 параграфов, заключения, списка использованных источников и литературы, а также приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во *введении* раскрывается актуальность темы диссертационного исследования, степень ее научной разработанности, формулируются цель, задачи, объект и предмет исследования, определяются нормативная, теоретическая и методологическая основы работы, а также ее эмпирическая база, обосновывается теоретическая и практическая значимость исследования, его научная новизна, указываются положения, выносимые на защиту.

Глава 1. Понятие геноцида – состоит из трех параграфов.

Первый параграф посвящен *Социально-историческим основаниям криминализации геноцида*.

В данном параграфе анализируются события, имевшие место до первого нормативного закрепления геноцида в 1948 году в Конвенции ООН «О предупреждении преступления геноцида и наказании за него»¹ (далее – Конвенция 1948 года). Это не известное праву до 1948 года преступление было

¹Конвенция Организации Объединенных Наций «О предупреждении преступления геноцида и наказании за него» от 09.12.1948 (Принята резолюцией 260 (III) Генеральной Ассамблеи ООН) // Официальный сайт Организации Объединённых Наций. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/genocide.shtml (дата обращения: 10.11.2013).

вызвано к жизни деяниями, выступающими основаниями криминализации геноцида.

Среди таковых указываются этно-религиозные войны в Европе в XVI - начале XVII века; истребление европейцами коренных народов Американского континента и Австралии, и другие. Непосредственное же влияние на закрепление ответственности за геноцид оказали события первой половины XX века: уничтожение значительной части армянского населения в Османской империи в 1915-1918 годах и преступления нацистского режима в Германии и на оккупированных ею территориях в 1930-х 40-х годах.

После принятия Конвенции 1948 года сохранилась высокая интенсивность и широкая география территорий, на которых совершался геноцид, примерами чего являются преступления "красных кхмеров" в Камбодже 1975-1979 годах; геноцид в Руанде в 1994 году; уничтожение определенных этно-религиозных групп в бывшей Югославии в 1991-1995 годах; и другие.

Анализ отдельных событий отечественной истории XX века позволил сформулировать вывод, что закрепление нормы о геноциде в УК РФ также имело свои социально-исторические основания. Оно было обусловлено деяниями, содержащими признаки геноцида, и совершенными на территории нашей страны до появления ст. 357 в УК РФ. Необходимость существования нормы о геноциде в УК РФ подчеркивают такие события, непосредственно связанные с нашей страной, как совершенные высшим политическим и военным руководством Грузии массовые убийства граждан РФ на территории Южной Осетии в августе 2008 года,¹ а также уничтожение русскоязычного населения на востоке Украины в 2014-2015 годах.²

Таким образом, характер совершения деяний, содержащих признаки геноцида, и их колоссальная общественная опасность указывают, что криминализация геноцида отвечает важнейшим социальным принципам уголовно-правового запрета: общественной опасности³ и относительной распространенности деяния.⁴ Следовательно, криминализация этого преступления в российском праве является обоснованной.

¹ Следственный комитет Российской Федерации завершает сбор и анализ доказательств, свидетельствующих о совершении руководством Грузии геноцида и массовых убийств граждан Российской Федерации в августе 2008 года // Официальный сайт Следственного комитета РФ. URL: <http://sledcom.ru/news/item/519300> (дата обращения 12.09.2015).

² Возбуждены уголовные дела в отношении высокопоставленных украинских военнослужащих, а также депутата Олега Ляшко // Официальный сайт Следственного комитета РФ. 2014. URL: http://sledcom.ru/news/item/965853/?type=news&more_link=1&_=93157 (дата обращения 15.09.2015).

³ Основания уголовно-правового запрета. Криминализация и декриминализация / Дагель П. С. [и др.]; Отв. ред.: Кудрявцев В.Н., Яковлев А.М. - М.: Наука, 1982. С. 215.

⁴ Там же. С. 218.

Во втором параграфе рассматривается *Генезис понятия «геноцид» в доктринальных источниках.*

Подобно появлению нормы о геноциде, научные понятия этого преступления также были обусловлены историческими событиями по уничтожению отдельных человеческих групп.

Первое понятие геноцида сформулировал Рафаэль Лемкин (Raphael Lemkin). Необходимость разработки этого термина была вызвана деяниями нацистского режима Германии. Термин, предложенный Лемкиным, использовался участниками процесса о главных военных преступниках в Международном военном трибунале в Нюрнберге. Однако было невозможно в рамках Нюрнбергского процесса осудить виновных за совершение именно геноцида – преступления, не запрещенного тогда каким-либо нормативным актом. Эта ситуация показала, что разработка уголовно-правовой нормы должна осуществляться до возникновения необходимости ее применения.

Тема геноцида активно обсуждалась в процессе разработки Конвенции 1948 года. Наиболее дискуссионным вопросом в тематике геноцида сегодня остаются признаки этого преступления и их содержание. Связано это с тем, что понятие геноцида является достаточно молодым, в сравнении с большинством других преступлений.

Исследования по вопросу определения геноцида, предлагая решения по отдельным проблемам, привели и к появлению разнообразных по содержанию понятий этого преступления. Будучи, зачастую, оторванными от изначальной сущности геноцида, вкладываемой в это понятие его автором, или от закрепленных в Конвенции 1948 года признаков, эти новые определения не способствовали единообразному пониманию преступления.

О широком распространении понятия «геноцид» также свидетельствует появление смежных терминов. Среди них можно назвать этноцид. Этот термин стал появляться в нормативно-правовых актах.¹ Поскольку этноцид не имеет устойчивого научного содержания и юридического определения, использование этого термина затрудняет восприятие норм, а его использования следует избегать в дальнейшей законотворческой деятельности.

В третьем параграфе исследуются *Международно-правовые понятия геноцида и их значение для российского права.*

Наличие нескольких правовых актов, содержащих различные понятия геноцида, обнаруживают проблему их одновременного действия.

¹См.: Федеральный закон «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» от 30.04.1999 № 82-ФЗ (ред. от 05.04.2009) // СЗ РФ. 1999. № 18. Ст. 2208.

Понятия геноцида содержатся Уставах Международных трибуналов по Руанде¹ и по бывшей Югославии². Понимание геноцида раскрывается в решениях этих органов. Нет нормативных оснований для признания этих решений обязательными для применения в РФ. Однако ввиду отсутствия российской практики применения ст. 357 УК РФ, при анализе состава геноцида существует вынужденная необходимость использовать толкование международно-правовой нормы трибуналами *ad hoc*, так как содержательно эти нормы во многом схожи. В актах трибуналов обнаруживаются варианты решения проблем, которые потенциально могут возникнуть в практике рассмотрения дел о геноциде в российских судах.

Следующим этапом в эволюции нормативного понятия геноцида можно считать принятие Римского статута Международного уголовного суда.³ Новыми признаками понятие геноцида обогатилось с появлением в 2002 году Элементов преступлений.⁴ Принятие названных актов, наряду с существованием Конвенции 1948 года, породило ситуацию одновременного наличия нескольких нормативных определений геноцида в международном праве.

Конвенция 1948 года была ратифицирована в 1954 году⁵ и, согласно Конституции РФ, является международным договором РФ, вследствие чего российское законодательство не должно противоречить ее положениям. Однако нормы ратифицированных международных договоров, которые относятся к вопросам квалификации преступлений, не являются непосредственным источником уголовного права РФ, кроме случаев, когда норма уголовного права России прямо устанавливает необходимость применения такого договора. Поскольку в ст. 357 УК РФ отсутствуют отсылки к Конвенции 1948 года, обращение правоприменителя к ее положениям не требуется.

Римский статут 1998 года не прошел процедуру ратификации. Анализ нормы о геноциде в этом акте, с точки зрения ее общепризнанности, показал, что она не является таковой в смысле ч. 4 ст. 15 Конституции РФ и положений

¹ Устав Международного трибунала по Руанде от 08.11.1994 (Принят резолюцией 955 (1994) Совета Безопасности ООН) // Официальный сайт Организации Объединённых Наций. URL: <http://www.un.org/ru/law/icttr/charter.shtml> (дата обращения: 20.08.2013).

² Устав Международного трибунала по бывшей Югославии от 25.05.1993 (Принят резолюцией 927 (1993) Совета Безопасности ООН) // Официальный сайт Организации Объединённых Наций. URL: <http://www.un.org/ru/law/icttr/charter.shtml> (дата обращения: 20.08.2013).

³ Римский статут Международного уголовного суда от 17.07.1998 (ред. 16.01.2002) // Официальный сайт Организации Объединённых Наций. URL: [http://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute\(r\).pdf](http://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute(r).pdf) (дата обращения: 22.08.2013).

⁴ Элементы преступлений от 09.09.2002 (Приняты Ассамблеей государств-участников Международного уголовного суда) // Официальный сайт Организации Объединённых Наций. URL: http://www.un.org/ru/documents/rules/icc_elements.pdf (дата обращения: 20.08.2013).

⁵ См.: Указ Президиума Верховного Совета СССР «О ратификации Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него» от 18.03.1954 // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 - 1975. Т. 2.- М.: Известия Советов депутатов трудящихся СССР, 1975. С. 249.

Федерального Закона «О международных договорах РФ».¹ Соответственно, она не действует в РФ.

Применение российской нормы о геноциде наиболее вероятно в отношении действий, совершенных за пределами России иностранными гражданами и лицами без гражданства, постоянно не проживающими на территории РФ в силу универсального принципа действия уголовного закона в пространстве и по кругу лиц. При этом не исключается возможность применения ст. 357 УК РФ и в силу иных принципов действия уголовного закона.

Глава 2. Юридический анализ состава геноцида по Уголовному Кодексу Российской Федерации – состоит из пяти параграфов.

В российской доктрине не сложилось общепризнанных позиций по большинству признаков состава геноцида в УК РФ. Учитывая потенциал применения ст. 357 УК РФ, а также наивысшую общественную опасность данного преступления, ситуация с разночтением его признаков недопустима. Таким образом, существует необходимость изучения признаков геноцида в УК РФ.

Первый параграф посвящен исследованию *Объекта геноцида*.

Родовым объектом преступления, предусмотренного ст. 357 УК РФ, выступает мир и безопасность человечества, что подтверждает название раздела 12 УК РФ. Вопреки тому, что название раздела совпадает с наименованием его единственной главы, видовым объектом геноцида следует признать безопасность человечества. Угроза данному объекту создается ввиду потенциального сокращения культурного или генетического разнообразия человеческого рода в результате совершения геноцида. Геноцид посягает на безопасность человечества через безопасность, указанных в норме, групп, которая является основным непосредственным объектом геноцида. Под ней понимаются общественные отношения, обеспечивающие объективное отсутствие угрозы социального характера существованию группы. Изложенное понимание объекта геноцида в классификации по степени общности охраняемых общественных отношений соответствует особенностям соотношения родового, видового и непосредственного объектов, каждый последующий из которых по объему уже предыдущего.

Особенностями обладает основной непосредственный объект геноцида, совершаемого путем принудительной передачи детей, в качестве которого выступает безопасность только национальной, этнической или религиозной группы. Угроза безопасности расовой группы объективно не может быть создана при совершении принудительной передачи детей из одной расовой группы в

¹ Федеральный Закон «О международных договорах Российской Федерации» от 15.07.1995 № 101-ФЗ (ред. от 25.12.2012) // СЗ РФ. 1995. № 29. Ст. 2757.

другую, так как признаки расовой принадлежности лица не смогут быть утрачены. Такие действия могут создавать угрозу безопасности только групп, имеющих какие-либо культурные отличия.

Решение вопроса о наличии дополнительных объектов геноцида зависит от действий, путем осуществления которых совершается геноцид. Если одни действия всегда причиняют вред какому-либо дополнительному объекту, то другие его не затрагивают. Поэтому такие объекты как жизнь, здоровье человека, его личная свобода следует отнести к дополнительным факультативным объектам геноцида. В ст. 357 УК РФ законодатель строго не ограничил перечень проявлений геноцида, указав на «иное создание жизненных условий». Эти действия могут затрагивать, помимо основного непосредственного объекта геноцида, и другие общественные отношения. Однако поскольку в диспозицию ст. 357 УК РФ законодатель не включил ни одного деяния, способного затронуть половую свободу и неприкосновенность, названные объекты не охраняются нормой о геноциде, а посягательства на них должны получать самостоятельную правовую оценку.

Среди потерпевших по ст. 357 УК РФ, спецификой обладают дети, в отношении которых производится принудительная передача. Анализ требований ведомственных правовых актов Министерства образования и науки показал, что в современной России в 16 лет у ребенка уже должна быть сформирована устойчивая основа личности, характеризующая его как представителя национальной, этнической или религиозной группы. Этот вывод подтверждают и результаты проведенного социологического исследования. Поэтому под детьми в ст. 357 УК РФ предлагается понимать лиц, не достигших 16 лет. Передача детей старшего возраста не сможет создать угрозу безопасности национальной, этнической или религиозной группы, к которой он принадлежит.

Во втором параграфе исследуется *Объективная сторона геноцида*.

Объективная сторона геноцида характеризуется альтернативными действиями, направленными на уничтожение национальной, расовой, этнической или религиозной группы:

1. Убийство двух или более членов группы. Возможность совершения геноцида путем убийства лишь двух лиц позволяет защитить не только большие, но и малые национальные, этнические и религиозные группы. Причинение смерти путем бездействия при совершении преступления, предусмотренного ст. 357 УК РФ, исключается в силу прямого указания в диспозиции статьи на возможность совершения геноцида лишь действиями.

2. Причинение тяжкого вреда здоровью двум или более членам групп. Формулировка этого признака в ст. 357 УК РФ полностью соответствует признаку

Конвенции 1948 года «причинение серьезных телесных повреждений или умственного расстройства». Причинение членам группы средней тяжести или легкого вреда здоровью не является серьезным в понимании Конвенции 1948 года, так как не может существенно повлиять на возможность самореализации лица в качестве представителя группы и, как следствие, создать угрозу ее существованию.

3. Принудительная передача детей осуществляется в отношении двух или более лиц, не достигших 16 лет, и может состоять из нескольких этапов: захват, перемещение и удержание. Наиболее вероятна ситуация, когда после захвата ребенок перемещается в место, где будет осуществляться его удержание другими лицами или самим захватчиком. Возможна ситуация захвата ребенка и дальнейшего его удержания при отсутствии перемещения в месте, куда он был доставлен на законных основаниях. Удержание ребенка направлено на утрату или неполучение тех социально-культурных отличий, которые характеризуют его как члена национальной, этнической или религиозной группы.

4. Насильственное воспрепятствование деторождению заключается в действиях, в отношении беременной женщины, делающих невозможным рождение ребенка, а также в действиях, осуществляемых до момента зачатия и объективно ему препятствующих. Стерилизация, кастрация и прерывание беременности, подпадая под признак как причинения тяжкого вреда здоровью, так и под воспрепятствование деторождению, должны квалифицироваться по последнему признаку. Эти действия приводят не к ограничению возможности реализации в качестве представителя группы, что характерно для причинения тяжкого вреда здоровью, а к невозможности репродукции, отличающей воспрепятствование деторождению. Запрещение браков между представителями одной демографической группы не может рассматриваться как воспрепятствование деторождению, так как объективно не создает препятствий для рождения детей.

5. Создание жизненных условий, рассчитанных на физическое уничтожение членов национальных, расовых, этнических или религиозных групп состоит в действиях лица, которые создают потенциальную угрозу полного или частичного физического уничтожения этих групп. Опасные для жизни условия могут создаваться непосредственно на территории нахождения этих групп, в процессе их перемещения, а также на территории, куда группа была переселена. Насильственное переселение, указанное в ст. 357 УК РФ выступает описанием признака «иное создание жизненных условий».

Помимо геноцида, Конвенция 1948 года предусматривает ответственность за прямое публичное подстрекательство к его совершению. С точки зрения ч. 4 ст.

33 УК РФ данное деяние не является подстрекательством, так как оно обращено к персонально неопределенному кругу лиц. Используя терминологию действующего УК РФ, эти действия могут быть названы публичными призывами к совершению геноцида. Подобные деяния являются общественно опасными, однако в УК РФ нет нормы, предусматривающей ответственность за их совершение. Предлагается включить в УК РФ ст. 357.1, изложив ее диспозицию как «публичные призывы к совершению геноцида, направленные на полное или частичное уничтожение национальной, этнической, расовой или религиозной группы».

Третий параграф посвящен *Субъекту геноцида.*

Субъектом преступления, предусмотренного ст. 357 УК РФ, является вменяемое физическое лицо, достигшее 16 лет. Вопрос о возрасте, с которого может наступать ответственность за геноцид, получил иное решение в Римском статуте 1998 года и был определен в 18 лет, что обнаружило проблему обоснованности установления российским законодателем общего возраста ответственности для субъекта геноцида.

Исследование показало, что решение законодателя отвечает существующим социальным условиям. Анализ положений Федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования обнаружил, что 16-летний ребенок в России должен уметь определять себя с точки зрения национальной, этнической, религиозной и расовой принадлежности, ориентироваться в полиэтничном и многоконфессиональном мире, на основе сформированного у него мировоззрения. Это позволяет ребенку уже в 16 лет осознавать социальную значимость геноцида, что, свою очередь, является предпосылкой способности нести ответственность за его совершение.

Специальных признаков субъекта геноцида, в УК РФ не содержится.

Четвертый параграф посвящен *Субъективной стороне геноцида.*

Общепризнанно, геноцид совершается с прямым умыслом. Содержание вины, будет отличаться в зависимости от действий, путем осуществления которых совершается это преступление. При совершении геноцида путем убийства или причинения тяжкого вреда здоровью лицо осознает общественную опасность действий, направленных на уничтожение национальной, этнической, расовой или религиозной группы, совершаемых путем убийства двух или более представителей этих групп или причинения вреда их здоровью, предвидит возможность или неизбежность наступления последствий соответственно в виде смерти двух или более лиц или тяжкого вреда здоровью двух или более лиц и желает их наступления. При совершении преступления, предусмотренного ст.357 УК РФ, всеми иными действиями лицо осознает общественную опасность

действий, направленных на уничтожение национальной, этнической, расовой или религиозной группы, осуществляемых путем насильственного воспрепятствования деторождению, принудительной передачи детей, создания жизненных условий, рассчитанных на физическое уничтожение национальной, этнической, расовой или религиозной группы и желает их совершения.

Обязательным признаком субъективной стороны геноцида является специальная цель. Она состоит в намерении виновного уничтожить указанные в диспозиции ст. 357 УК РФ, группы полностью или частично. Субъективная направленность на частичное уничтожение заключается в стремлении истребить представителей группы, объединенных по качественно-количественным признакам, что в свою очередь создаст угрозу существования всей группы или ее территориально обособленной части. К объективным обстоятельствам, способным указывать на цель геноцида следует относить широкомасштабность совершенных действий, высокую интенсивность их совершения, а также объективно существующий план уничтожения группы.

Спецификой обладает цель последнего из названных в ст. 357 УК РФ действий, образующих геноцид, которая состоит в расчете на физическое уничтожение членов национальной, расовой, этнической или религиозной группы. Отличие цели создания жизненных условий от цели геноцида, совершаемого всеми иными действиями, усматривается в том, что расчет в первом случае касается физического уничтожения членов групп, а во втором – уничтожения группы как таковой. Цель на уничтожение члена группы – это угроза личности, и запрет такого деяния также охраняет личность. Цель на уничтожение группы – это угроза ее безопасности и запрет такого деяния охраняет группу. Норма о геноциде призвана законодателем для охраны безопасности национальных, расовых, этнических или религиозных групп. Однако обеспечить ее, запретив создание жизненных условий с целью физического уничтожения только отдельных их членов, невозможно. Поэтому предлагается понимать цель создания жизненных условий как стремление к полному или частичному физическому уничтожению групп, указанных в диспозиции ст. 357 УК РФ. Такое понимание соответствует Конвенции 1948 года, в пункте «с» ст. II которой говорится о полном или частичном физическом уничтожении группы, а не ее членов.

Мотивы совершения геноцида на квалификацию деяния по ст. 357 УК РФ не влияют.

В пятом параграфе исследуется *Соотношение геноцида с другими преступлениями.*

Исследование соотношения геноцида с преступлениями экстремистской направленности и, в частности, с убийством и причинением тяжкого вреда здоровью, совершенным по экстремистским мотивам показало, что норма о геноциде, частью своего содержания конкурирует с п. "л" ч. 2 ст. 105 УК РФ и п. "е" ч. 2 ст. 111 УК РФ. В случае совершения лицом, достигшим возраста 16 лет, по экстремистским мотивам, действий направленных на уничтожение национальной, расовой или религиозной группы путем убийства членов такой группы или причинения тяжкого вреда их здоровью квалификация должна проводиться по ст. 357 УК РФ как по специальной норме.

В целом геноцид не является одним из преступлений экстремистской направленности, ввиду отсутствия в его составе обязательного экстремистского мотива. При этом нельзя отрицать возможность совершения отдельного преступления, предусмотренного ст. 357 УК РФ, по экстремистскому мотиву. Поэтому к преступлениям экстремистской направленности можно отнести лишь конкретные акты совершения геноцида.

Принятие Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности», указавшего, что высказывания, обосновывающие и (или) утверждающие необходимость геноцида должны квалифицироваться по ст. 282 УК РФ, обусловило необходимость проведения разграничения этого преступления с публичными призывами к совершению геноцида, предложение о криминализации которых было высказано в работе. Получен вывод, что эти деяния имеют существенные отличия. Преступление, предусмотренное ст. 282 УК РФ, совершается с целью возбудить ненависть либо вражду, а не с целью побудить лиц к осуществлению уничтожения какой-либо группы, что свойственно для деяния, криминализация которого предложена в работе.

Особенности соотношения геноцида с другими преступлениями зависят от действий, путем осуществления которых он совершается. Геноцид, совершенный путем принудительной передачи детей конкурирует с такими преступлениями как похищение человека и незаконное лишение свободы. В случае совершения этих деяний лицами, достигшими 16 лет, со специальной целью геноцида квалификация должна осуществляться по ст. 357 УК РФ как по специальной норме. Принудительная передача детей в рамках геноцида также может заключаться в их купле-продаже или совершении в отношении них иных сделок, то есть путем совершения некоторых деяний, предусмотренных ст. 127.1 УК РФ (торговля людьми). Содеянное в данном случае также полностью охватывается ст. 357 УК РФ и дополнительной квалификации не потребует.

Поскольку подмена одного ребенка на другого не создаст препятствий для приобретения в процессе воспитания черт, отличающих одну человеческую группу, определяемую по небιологическим признакам, от другой, геноцид в форме принудительной передачи детей не может реализовываться путем подмены ребенка (ст. 153 УК РФ).

Геноцид не является специальной нормой к должностным преступлениям, так как законодатель не указал на возможность совершения преступления, предусмотренного ст. 357 УК РФ, должностным лицом. При наличии в содеянном необходимых признаков, всегда будет иметь место совокупность геноцида и должностных преступлений.

Глава 3. Направления модернизации нормы об уголовной ответственности за геноцид в УК РФ.

Законодатель пытался сформулировать ст. 357 УК РФ в максимальном соответствии со ст. III Конвенции 1948 года. Последняя, существуя к моменту принятия действующего УК РФ уже 48 лет, ни разу не подвергалась изменениям.

Попытки совершенствования нормы о геноциде предпринимались на уровне уголовных кодексов зарубежных стран. Сокращение числа деяний, охватываемых понятием геноцида в национальном праве, может рассматриваться как неисполнение государством обязательств по предупреждению этого преступления. Расширение круга таких деяний означает, что они признаются геноцидом не всем международным сообществом, а только конкретным государством. Такие нормы представляют интерес при поиске путей модернизации нормы об ответственности за геноцид в УК РФ.

В подавляющем большинстве случаев выбранные иностранными законодателями направления модернизации норм о геноциде в качестве модели для внесения изменений в ст. 357 УК РФ выбраны не были. Так, включение в объективную сторону геноцида сексуального насилия, как это сделано в УК Испании, признано необоснованным, поскольку такие действия фактически не способны привести к уничтожению национальной, этнической, расовой или религиозной группы.

Поскольку бездействие лица наравне с действием может представлять угрозу для безопасности группы, необходимо предусмотреть ответственность за совершение геноцида и путем бездействия. С этой целью следует заменить в ст. 357 УК РФ термин «действие» на «деяние».

Необоснованно, на наш взгляд, была отвергнута и не нашла отражения в тексте Конвенции 1948 концепция культурного геноцида, существовавшая до принятия года этого акта. Поскольку уничтожение культуры человеческой группы лишает ее проявлений собственной идентичности и может привести к ее

исчезновению, необходима криминализация культурного геноцида как нового деяния в ст. 357 УК РФ. Оно не станет исключительным, поскольку среди других действий, образующих геноцид, уже есть направленные не на физическое уничтожение группы, а на фактическое ее исчезновение, что характерно и для культурного геноцида. Криминализацию этого деяния предлагается осуществить путем исключения термина «физическое» из формулировки признака «создание жизненных условий, рассчитанных на физическое уничтожение этой группы».

Анализ перечня групп, указанных в ст. 357 УК РФ, показал, что их объединяет наличие отличительных признаков, позволяющих провести их идентификацию: биогенетические характеристики у расовой группы и культурная идентичность у национальной, этнической и религиозной групп. Поскольку отличительной культурой обладают не только эти группы, ввиду чего их уничтожение представляет опасность для человечества, предлагается расширить норму о геноциде в УК РФ, предусмотрев его совершение в отношении любой группы, обладающей отличительными культурными признаками.

В результате исследования предложено внести изменения в ст. 357 УК РФ, диспозицию которой предлагается изложить в следующей редакции:

«Деяния, направленные на полное или частичное уничтожение расовой, национальной, этнической, религиозной или иной обладающей отличительными культурными признаками группы путем убийства двух или более членов этой группы или причинения тяжкого вреда их здоровью, воспрепятствования деторождению, принудительной передачи двух или более лиц, не достигших 16 лет, из одной такой группы в другую соответствующего вида группу, насильственного переселения либо иного создания жизненных условий, рассчитанных на уничтожение такой группы».

В *заключении* отражены основные выводы, полученные в результате исследования.

В *списке использованных источников и литературы* изложен перечень официальных материалов и научных трудов, составивших нормативную, теоретическую и эмпирическую основы диссертационного исследования.

Завершает работу *приложение*, в котором приводятся результаты проведенного социологического исследования.

ПУБЛИКАЦИИ АВТОРА ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Научные статьи в изданиях, рекомендуемых Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки России для опубликования основных научных результатов диссертации на соискание ученой степени кандидата наук:

1. Москалев Г. Л. Проблемы разграничения геноцида и преступлений экстремистской направленности // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2012. – №4. – С. 121-125.

2. Москалев Г. Л. Создание условий, рассчитанных на физическое уничтожение национальной, расовой, этнической или религиозной группы, как способ совершения геноцида // Известия Юго-западного государственного университета. Серия: История и право. – 2013. – №1. – С. 83-90.

3. Москалев Г. Л. Объект преступления, предусмотренного ст. 357 УК РФ (геноцид) // Вестник Пермского университета: Юридические науки. – 2013. – №2. – С. 237-243.

4. Москалев Г. Л. Проблема определения понятия «дети» в статье 357 УК РФ («геноцид») // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2013. – №4. – С. 169-174.

5. Москалев Г. Л. Проблема криминализации публичных призывов к совершению геноцида // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2014. – № 6. – С. 24-26.

6. Барабаш А. С., Москалев Г. Л. Modernization of the Genocide clause of the Criminal code of the Russian Federation // Журнал Сибирского Федерального Университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2014. – № 11. – С. 1986-1996.

7. Барабаш А. С., Бушмин С. И., Москалев Г. Л. Соотношение геноцида и экстремизма в уголовном праве и криминологии // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2015. – №1. – С. 94–100.

Публикации в иных изданиях:

8. Москалев Г. Л. Проблемы применения нормы об уголовной ответственности за геноцид // Проблемы современной науки и практики: сборник статей студентов, аспирантов и молодых ученых: в 2 т. Т. 2. / под ред. В.М. Шафирова, Э.А. Павельевой, Т.Ю. Сидоровой. Красноярск: ИПК СФУ, 2011. – С. 205-210.

9. Москалев Г. Л. Принудительная передача детей как форма совершения геноцида // Реформирование правовой системы России и защита прав человека: национальный и международный контекст [Электронный ресурс]: сборник докладов VI Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых (5-6 апреля 2012 года г. Красноярск). Электрон. дан. (12 Мб). Красноярск: ЦСПТ, 2012. – С. 499-505.

10. Москалев Г. Л. Необходимость исследования ответственности за геноцид в уголовном законодательстве Российской Федерации // Сборник научных статей, посвященных 20-летию юбилею Научно-исследовательской лаборатории фундаментальных и прикладных проблем в области права и государства Юридического института Сибирского федерального университета. Красноярск. 2014. – С. 122-124.

11. Москалев Г. Л. Анализ событий в Украине начала 2014 года с точки зрения уголовной ответственности за геноцид // Молодежь и наука: сборник материалов X Юбилейной Всероссийской научно-технической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых с международным участием, посвященной 80-летию образования Красноярского края, [Электронный ресурс] / отв. ред. О. А. Краев. Красноярск: Сиб. федер. ун-т., 2014.

12. Москалев Г. Л. Изнасилование как способ совершения геноцида: проблема модернизации нормы // Проспект Свободный-2015: материалы науч. конф., посвященной 70-летию Великой Победы (15–25 апреля 2015 г.) [Электронный ресурс] / отв. ред. Е. И. Костоглодова. Электрон. дан. Красноярск.: Сиб. федер. ун-т, 2015. – С. 445-447.

13. Москалев Г. Л. Изнасилование как способ совершения геноцида по уголовному законодательству Киргизской Республики и Российской Федерации. // Известия ВУЗов Кыргызстана. – 2015. – №. 5. – С. 127-130.